

НАДГРОБИЯ И НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ У ГРЕКОВ РОССИИ: О ЧЁМ КЛАДБИЩЕ МОЖЕТ НАМ РАССКАЗАТЬ

Инна Олеговна Никитина

Аспирантка,
факультет антропологии
Европейского университета в Санкт-Петербурге
Почтовый адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1, А,
Санкт-Петербург, 191187, Россия
Электронный адрес: solreynе@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Аннотация

В статье рассматриваются надгробия и надгробные надписи на захоронениях греков России, потомков переселенцев из Османской империи. На основе полевых исследований 2022–2024 гг. анализируются данные, собранные в регионах компактного проживания греков на Северном Кавказе. Рассматриваются надгробия разных периодов появления: досоветские, советские и постсоветские. Для дореволюционных каменных надгробий характерно бытование нескольких типов: плит и «церквей». Все эти разновидности памятников были распространены также среди греков в Малой Азии. Надписи в досоветское время выполнялись преимущественно на греческом языке, в статье описаны основные особенности эпитафий этого периода. В социалистическую эпоху греческий язык исчезает с надгробий, что может быть связано как с репрессиями 1937 г., так и с общей тенденцией к советизации кладбищ. В статье описан уникальный тип советского греческого надгробия, выполненный в стиле традиционных памятников. Несмотря на идеологический контроль над местами захоронений, на Северном Кавказе греческие могилы сохраняют православную символику на протяжении всего советского времени. Для постсоветского периода характерно видимое однообразие памятников: все они выполняются в одних мастерских, из одного материала. Но визуальная информация на памятниках, в первую очередь, греческий язык, показывает этническую принадлежность умершего. Отмечаются также другие характерные особенности современных греческих захоронений: «домики» для свечей из Греции, античные элементы декора, изображения церквей. В случае греков России кладбища являются важными источниками, которые отражают исторические и культурные процессы, связанные с идентичностью и традициями греков в России.

Ключевые слова

Греки России, полевые исследования, похоронно-поминальный обряд, кладбище, греческие надгробия, некрополистика, надгробные надписи, эпитафии, понтийский диалект

Финансирование

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>, «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении».

Благодарности

Я благодарю своего отца за советы при работе над этим текстом, а также за то, что в свое время научил меня смотреть на кладбища взглядом исследователя.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2024 г.

Статья доработана автором 19 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: *Никитина И. О.* Надгробия и надгробные надписи у греков России: о чём кладбище может нам рассказать // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 200–224. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.10>

TOMBSTONES AND TOMBSTONE INSCRIPTIONS AMONG THE GREEKS OF RUSSIA: WHAT A CEMETERY CAN TELL US

Inna O. Nikitina

Ph.D. student,
Department of Anthropology,
European University at St. Petersburg
Postal address: Gagarinskaya str., 6/1, A,
Saint Petersburg, 191187, Russia
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Abstract

This paper examines tombstones and tombstone inscriptions among the Greeks of Russia, descendants of immigrants from the Ottoman Empire. Based on field research of 2022–2024, the article analyzes data collected in the regions of compact residence of Greeks in the North Caucasus. Tombstones are divided into three periods: pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet. Pre-soviet gravestones are of three types: regular gravestones, flat gravestones and church-shaped stones. All these types of monuments were also common among the Greeks in Asia Minor. Inscriptions in pre-Soviet times were made mainly in Greek; the article describes the main features of the epitaphs of this period. In the socialist era, the Greek language disappears from tombstones, which may be associated with both the repressions of 1937 and the general trend towards Sovietization of cemeteries. The article describes a unique type of Soviet Greek tombstone, made in the style of traditional monuments. Despite the ideological control over burial sites, Greek graves in the North Caucasus retained Orthodox symbolism throughout the Soviet era. The post-Soviet period is characterized by a visible uniformity of monuments: they are all made in the same workshops, from the same material. But the visual information on the monuments, primarily the Greek language, shows the ethnicity of the deceased. Other characteristic features of Greek burials in modern Russia are also noted: “houses” for candles from Greece, decorative elements in antique style, images of churches.

Keywords

Greeks of Russia, field studies, funeral rites, cemetery, graveyard, Greek tombstones, epitaphs, necropolistics, tombstone inscriptions, Pontic dialect

Funding

This work was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>, “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage”.

Acknowledgements

I am deeply grateful to my father, who helped me with this paper and taught me to examine the cemetery with a researcher’s eye.

Received 9 November 2024

Revised 19 November 2024

Accepted 10 December 2024

How to cite: Nikitina, I. O., 2024. Tombstones and Tombstone Inscriptions Among the Greeks of Russia: What a Cemetery Can Tell Us. *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 200–224. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.10>

ВСТУПЛЕНИЕ

Статья основана на материалах, полученных в ходе полевой работы среди греков России — потомков переселенцев из Османской империи на Кавказ и в Закавказье. Значительная часть данных собрана в этнолингвистических экспедициях, которые были организованы Институтом славяноведения РАН в 2022–2024 гг.¹ Эти экспедиции проводились в регионах компактного проживания греков на территории России: на Кубани, в республике Северная Осетия-Алания, на Кавказских Минеральных Водах, в республике Карачаево-Черкесия и на Черноморском побережье Краснодарского края. Мы записывали как сведения о семейной и календарной обрядности, так и нарративы о переселении греков в Россию, о современном состоянии греческой культуры в регионах.

Греки, среди которых я проводила полевую работу на Северном Кавказе, представлены двумя языковыми группами (в соответствии с языком / идиомом первичной территории проживания, которым они могут владеть в разной степени или не владеть вовсе). Так, можно выделить группу греков-эллинофонов, носителей понтийского диалекта греческого языка (эндолингвоним — *ρωμαίικα (ромéика)*), и группу греков-тюркофонов, которые говорят на историческом северо-восточном диалекте турецкого языка (варианты самоназваний этого идиома: *bizim dilca* ‘наш язык’, *musulmanca* ‘мусульманский язык’, *osman dilca*, *osmanca* ‘османский язык’). На этот вариант турецко-османского идиома часть греков перешла во времена проживания в Османской империи. Греки-тюркофоны на территории современной России — преимущественно переселенцы из Грузии, откуда они уехали в 1990-е гг.² Сейчас эта языковая группа (для номинации которой нередко используется термин *цалкинские греки*³) компактно проживает в регионе Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края (г. Ессентуки, ст. Ессентукская, ст. Суворовская, пос. Иноземцево, пос. Санамер, пос. Урожайный и др.). Другая языковая группа — греки-эллинофоны — составляет большую часть греческого населения таких регионов как Кубань (Крымский, Абинский и Северский р-ны Краснодарского края) и Черноморское побережье Кавказа, а также проживает в селах Спарта и Ха-саут-Греческое Карачаево-Черкесской Республики, в селах Дубовая Балка и Греческое Ставропольского края и в г. Владикавказ.

¹ Экспедиции проводились в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>. Помимо экспедиций, я проводила полевую работу среди греков Кавказских Минеральных Вод в рамках работы над кандидатской диссертацией, посвященной идентичности этнической группы, ритуалам и рецепции традиционных практик.

² Более подробно об истории тюркоязычных греков см.: *Климова К. А., Никитина И. О.* Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // *Славянский альманах*. 2023. № 3-4. С. 302-319. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.3-4.15>

³ По месту проживания на территории Грузии — район Цалка.

Предки моих информантов волнами переселялись из Османской империи на российские территории в XIX–XX вв.: после русско-турецких войн (1828–1829 гг.; 1877–1878 гг.), после окончания Кавказской войны (1864 г.), во время геноцида греков в Османской империи (1914–1923 гг.)⁴. Греки переселялись как на территории в Грузии, так и в другие регионы империи — на Кубань и Ставрополье. В первые годы советской власти греческому населению оказывалась поддержка: открывались школы с преподаванием на греческом языке (с упрощенной орфографией), функционировали театры⁵. Однако впоследствии, во времена Большого террора 1937–1938 гг., греки в Краснодарском крае подверглись массовым репрессиям и депортациям в Среднюю Азию⁶. Репрессии в малой степени затронули тюркоговорящих греков Грузии — подавляющее большинство репрессированных греков проживали на Кубани и на Черноморском побережье и были носителями понтийского диалекта. Многие из тех, кого сослали в Центральную Азию, продолжали сохранять родной язык. Те семьи, которые не были сосланы, отмечали, что репрессии привили грекам страх говорить на понтийском, и он стал гораздо хуже передаваться следующим поколениям.

КЛАДБИЩА И МОГИЛЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прогулки по кладбищам стали частью нашей исследовательской повседневности с первой экспедиции. Мы старались ходить на кладбища в каждом населенном пункте, чтобы увидеть (и сфотографировать) как можно больше греческих надгробий. Часто мы просили информантов проводить «экскурсии» по кладбищам, попутно расспрашивая их об особенностях захоронений в регионе, о самых старых памятниках, о специфике похорон и прочих интересующих нас деталях. За несколько лет полевой работы нашей экспедиционной группой были обследованы кладбища в следующих населенных пунктах: пос. Красная Поляна, Лазаревское (Сочи), с. Лесное, ст. Ессентукская, г. Ессентуки, пос. Санамер, ст. Суворовская, с. Спарта, с. Хасаут-Греческое, с. Дубовая Балка, с. Греческое, пос. Витязево, г. Геленджик, пос. Прасковеевка, пос. Кабардинка, х. Новокрымский, с. Мерчанское, г. Абинск, г. Владикавказ, г. Краснодар.

Кладбища занимают важное место в антропологических, социологических и фольклористических исследованиях смерти, и интерес к ним в последнее время только растет. За последние десятилетия в России появлялось множество работ, посвященных исследованиям кладбищ и/или надгробий с точки зрения социологии и антропологии. Так, работы, осно-

⁴ Кокаева А. В. Появление греков на территории Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 48.

⁵ Барабанов К. В. Греческие общины в СССР 1920–1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. С. 24–26.

⁶ Джуха И. Г. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетей, 2006.

ванные на «кладбищенских» полевых материалах, нередко появлялись на страницах журнала «Археология русской смерти». Упомяну лишь некоторые из них: о карельском кладбище как объекте сакральной географии⁷, о надгробиях как о знаковых пространствах на примере кладбищ городов Дубна и Кимры⁸, о специфике могил криминальных авторитетов⁹. В социологических работах российское кладбище может рассматриваться как символическое пространство социальной стратификации¹⁰, «зеркало социального»¹¹ или поле социального взаимодействия¹². Кроме того, среди недавних работ, где значительное внимание уделяется кладбищам (в исторической перспективе), можно выделить книги А. Д. Соколовой о похоронной культуре раннего СССР¹³ и С. В. Мохова о развитии похоронной индустрии¹⁴. Пространство советского кладбища анализируется в работах С. Ю. Малышевой¹⁵. В целом, тексты о кладбищах появляются достаточно регулярно, и в западной академической традиции внимание им уделяется еще со времен «Человека перед лицом смерти» Ф. Арьеса¹⁶, где большой параграф посвящен кладбищу и его трансформации в Западной Европе. Одним из знаковых появлений кладбища в социальных науках стал текст М. Фуко о «других пространствах»¹⁷, где кладбище приводится им как хрестоматийный пример гетеротопии: места, которое находится в оппозиции

⁷ Конка А. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 67-79.

⁸ Шерстобитов К. «Дополнительная информация» на памятниках: анализ оформленной материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 168-193.

⁹ Гречко А., Рохлиц М. «Поле чудес»: бандитские могилы и борьба за капитал // Археология русской смерти. 2015. №1. С. 194-208.

¹⁰ Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 80-96.

¹¹ Бредникова О. Социологические прогулки по кладбищу // Беспредельная социология: сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова / под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 115-130.

¹² Чеснокова Е. Г. «Частная территория»: место захоронения в поле социальных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 65-78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8>

¹³ Соколова А. Д. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

¹⁴ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. 4-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2020.

¹⁵ Малышева С. Ю. Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 181-206; *Malysheva S. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity: Urban Cemetery as a Metatext* // *Ab Imperio*. 2018. № 3. P. 351-383.

¹⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» — Прогресс-Академия, 1992.

¹⁷ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191-204.

к «обычным культурным пространствам»¹⁸. В силу ограниченности объема не буду приводить подробный обзор западных исследований кладбищ, учитывая также, что в некрополистике крайне важна именно национальная специфика.

В этой статье я обращаюсь к анализу кладбища — места памяти, гетеротопии, символического воплощения социального порядка и палимпсеста истории. Однако текст посвящен не столько кладбищу как пространству, сколько надгробиям и надписям на них. Меня будут интересовать вопросы о том, как греческие надгробия менялись со временем, как на них появлялся и пропадал греческий язык. Я попытаюсь ответить на вопросы о том, как этническая идентичность проявляется в надгробных памятниках и какие другие идентичности греков России могут находить отражение на надгробиях в разные периоды.

АНАЛИЗ ГРЕЧЕСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ

Исследованные некрополи — преимущественно смешанные, так как греки в России проживают в соседстве с другими этническими группами. Некоторые из кладбищ можно охарактеризовать как более упорядоченные: например, кладбища Владикавказа с греческими захоронениями (Мещанское, Караван-Сарайное), некоторые кладбища Ессентуков и ст. Ессентукской (кладбище Франчиха в Ессентуках, где есть небольшое количество греческих могил, преимущественно недавних, и новое кладбище «Пикет» в ст. Ессентукской, по большей части греческое), новое кладбище в пос. Витязево. Большинство же посещенных нами кладбищ вписываются в рамки эклектичного сельского кладбища: на них нет упорядоченных рядов, аллей, проход к некоторым памятникам затруднен. Оградки, которые массово появляются на советских захоронениях после войны¹⁹, в исследованных регионах обнаруживаются значительно реже, чем в центральной России. Даже вокруг новых могил их устанавливают далеко не всегда. Функциональную роль кладбищенских оградок сейчас может выполнять бетонная стяжка или гранитный / бетонный цоколь, которые указывают границы территории, но не препятствуют свободному проходу через нее.

На кладбищах очень четко можно выделить три «слоя»: досоветский, советский и постсоветский. Важно отметить, что надписи на греческом (понтийском) на памятниках можно встретить либо до первой половины 1930-х гг.²⁰, либо на памятниках, установленных уже после распада СССР

¹⁸ Фуко М. Другие пространства... С. 198.

¹⁹ Мохов С. В. Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет // Живая старина. 2014. № 2. С. 50–52.

²⁰ Конечно, я осознаю, что захватываю целое десятилетие советской власти и помещаю его в условно «досоветский период». Однако полагаю, что в случае с надгробиями пренебрежение точной хронологией допустимо, особенно учитывая то, что прекращение инскрипций в греческой графике четко коррелирует с таким

в 1990-х гг. Инскрипции на советских надгробных памятниках выполнены на русском языке. Далее я разберу основные характеристики греческих надгробий трех упомянутых периодов.

«ДОСОВЕТСКИЕ» НАДГРОБИЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ МАЛОАЗИЙСКИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Греки, переехав в Россию в XIX–XX вв., устанавливали своим умершим такие же каменные надгробия, какие были у них в Малой Азии. Как уже упоминалось, датировка традиционных греческих надгробий на территории России начинается со второй половины XIX в. и условно заканчивается 1937 г. Традиционные памятники удалось обнаружить в следующих населенных пунктах: с. Лесное, с. Дубовая Балка, с. Греческое, ст. Эссентукская (один, перенесенный из другого места), пос. Витязево, г. Геленджик, с. Кабардинка, х. Новокрымский, с. Хасаут-Греческое, с. Спарта, с. Мерчанское, г. Владикавказ. Конечно, множество таких надгробий сохранилось в Грузии²¹. В этой статье я ограничусь рассмотрением надгробий, сохранившихся в исследованных регионах России.

Среди традиционных надгробий выделяется три типа. Первый можно охарактеризовать как вертикально расположенные плиты, зачастую сужающиеся сверху (наподобие двускатной крыши) с нишей для свечей, расположенной по центру снизу памятника. Вверху на плите высечен крест. Иногда крест как дополнительная фигура располагается над плитой. Надпись, содержащая год смерти (год рождения не указывается) и имя покойного, располагается вариативно: над крестом, под ним, обтекая крест. Форма плиты варьируется от квадратной до вытянутой, прямоугольной. Такие памятники чаще всего односторонние: вся символика и текст находятся только на передней стороне плиты. Но также встречались плиты, сзади которых были высечены фигуры в форме трех апсид, что делало памятник объемным.

Здесь также стоит обратить внимание на то, что ниши для свечей визуально напоминают портал, вход в храм, что может добавлять памятникам визуальное сходство с церквями. Арки, образующие ниши, могут быть абсолютно разных форм: классические полукруглые, прямоугольные, килевидные, трехлопастные, стрелчатые.

Второй вид памятников — памятники в форме церквей. Сейчас сложно описывать этот вид, так как их сохранилось меньше и целостность многих памятников нарушена. Такой тип надгробий представляет собой объемный, четырехмерный памятник, увенчанный куполом или крестом. Постамент, на котором покоится крест и/или купол, визуально призван напоминать

неприятным «проявлением» советской власти, как репрессии 1937 г. Предполагаю, что в Грузии эта датировка будет немного иной.

²¹ Множество фотографий таких надгробий можно найти в *Καρυπίδου Α. Τα ελληνικά χωριά της Γεωργίας, Ιστορικό Λεύκωμα* = Греческие села Грузии. Исторический фотоальбом. Салоники: б. и., 2021.

Рис. 1. Два надгробия в форме плит с нишами
(х. Новокрымский). Годы не читаются.
Все фото — автора статьи, если не отмечено иное
Two tombstones in the shape of a slab with niches
(Novokrymsky). Dates are unreadable.
All photos are by the author of the article,
unless otherwise noted

Рис. 2. Надгробие 1895 г., х. Новокрымский.
Передняя часть с нишей и изображением креста,
задняя часть — объемное изображение апсид храма
Tombstone of 1895, Novokrymsky. The front part has a niche and a cross,
the back part is a three-dimensional image of the temple apses

храм, поэтому он может быть украшен сводчатыми арками. Постамент может состоять из двух уровней, второй из которых напоминает барабан (в терминах храмовой архитектуры). В таких памятниках также есть ниша для свечей внизу. Иногда купол или крест, увенчивающий всю эту конструкцию, непропорционально велик по отношению к «телу» памятника. Но встречаются также памятники, которые сохраняют пропорции настоящей церкви в уменьшенном масштабе. Сейчас этот тип надгробий можно встретить на кладбищах в неполном виде: от них сохраняется либо только постамент, либо только крест. Надписи на таких памятниках могут располагаться как на основании, так и на кресте.

Рис. 3. Надгробие в форме церкви, х. Новокрымский
Tombstone in the shape of a church, Novokrymsky

Рис. 4. Надгробие, увенчанное куполом, х. Новокрымский
Tombstone topped with a dome, Novokrymsky

Рис. 5. Греческие надгробия. Конец XIX в., г. Владикавказ,
Мещанское кладбище
Greek tombstones. Late 19th century, Vladikavkaz,
Meshchanskoje cemetery

Такие типы надгробий упоминают авторы статьи о церковных и других постройках XIX в. в Трапезундском вилайете²²: «Преимущественно, они [надгробия. — *И. Н.*] были высечены в форме миниатюрной церкви (часто ограничиваясь только апсидами), но некоторые были более изобретательны по стилю: конусообразные верхушки, цилиндрические своды, стрельчатые дверные проемы, похожие на михрабы <...>»²³. Почему-то авторы считают, что такой тип надгробных камней характерен исключительно для окрестностей поселения Кромни (*Κρώμνη*), а не, скажем, для всего региона Трабзона. Однако можно найти свидетельства тому, что схожие памятники бытовали в других частях Трапезундского вилайета²⁴.

Третий тип памятников — обычные каменные плиты, расположенные на земле горизонтально. Эти плиты превосходят в размерах вертикальные, описанные как первый тип, и не содержат в себе ниш для размещения свечей. На них также изображается крест и указывается год смерти вместе с именем умершего. Некоторые из таких старых плит сейчас выкрашивают краской.

Надписи на всех трех видах памятников довольно типовые и лаконичные. Они сделаны заглавными буквами на понтийском греческом с упрощенной, вольной орфографией (например, перекладина в букве N может смотреть в разные стороны). Приведу пример типичной надписи со старого надгробия (орфография оригинала): «ΕΔΟ ΑΝΑΠΑΒΕΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΙΟΑΝΝΙΣ²⁵» [Здесь покоится раб Божий Иоаннис]. Вместо «ΕΔΟ ΑΝΑΠΑΥΕΤΕ» может применяться аналогичная формула «ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ» [здесь лежит]. Также часто используется формула «ΑΠΕΘΑΝΕ [умер(ла)] + дата смерти». Слова в эпитафиях часто сокращаются, так, например, пишут не «ΑΠΕΘΑΝΕ», а «ΑΠΕΘ.». Все эти формулы могут вовсе не использоваться, и тогда инскрипция на памятнике сводится лишь к имени покойного и дате его / ее смерти.

Напоследок хочу отметить, что сохранность такого числа дореволюционных греческих надгробий очень ценна, учитывая политику советского государства по разрушению церковных погостов и старых некрополей, а также события Второй мировой войны, когда множество кладбищ

²² В этом регионе Османской империи проживало большое количество греков, впоследствии мигрировавших в Россию.

²³ *Ballance S., Bryer A., Winfield D. Nineteenth-century monuments in the city and vilayet of Trebizond: architectural and historical notes — Part 1 // Archeion Pontou, [Archives of Pontos]. 1966. Vol. 28. P. 290–291.*

²⁴ См., например, надгробие в форме церкви из Сурмены (Сюрмене) — города в провинции Трабзон Турции. Фото сделано Р. Докинзом в ходе экспедиции по исследованию понтийского диалекта в 1914 г. Pontic tombstones shaped like churches, possibly in Surmena (modern Sürmene) district // British School at Athens. Digital collections. URL: <https://digital.bsa.ac.uk/results.php?locality-irn=4806&irn=141853> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁵ Надписи на старых памятниках, выполненные на греческом, всегда используют только заглавные буквы.

было разрушено вместе с населенными пунктами²⁶. Уникальный случай в этом плане представляет х. Новокрымский в Краснодарском крае, где благодаря местным жителям прекрасно сохранилось греческое кладбище с надгробиями конца XIX — начала XX в.

СОВЕТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

По замечанию С. Малышевой, советское кладбище можно назвать местом компромисса идеологии и религии²⁷. Исследовательница считает, что оно было продуктом гибридной идентичности советского человека, который адаптировал властный идеологический дискурс под свои практики и представления²⁸. Состояние кладбищ и анализ надгробий позволяют предполагать, что в исследованных регионах над кладбищами отсутствовал тот уровень идеологического контроля, который реализовывался на крупных некрополях советских городов. Греческие памятники советского периода редко обращались к советской символике (красная звезда, серп и молот), и превалирующим символом на них остается крест.

Похоронное дело в советском Союзе входило в ведение коммунальных хозяйств²⁹, а в 1980-е гг. стали возникать и похоронные кооперативы³⁰. Исследователи отмечают, что кладбища и похоронные услуги в СССР были наименее регулируемой и контролируемой со стороны государства сферой³¹. Из-за этого, как отмечает С. Мохов, развились практики «ритуального бриколажа», когда необходимые материальные объекты для похорон изготовлялись из подручных средств³². Гуляя по кладбищам, нередко замечаешь причудливые кресты из спаянных обрезков труб или арматуры, или же памятники в форме обелисков из железных листов — это наглядные примеры такого похоронного бриколажа, нигде не заказанные и не купленные, а сделанные людьми из того, что удалось найти.

Среди «классических» советских памятников — железных крестов и бетонных плит — нас будет интересовать один специфичный тип надмогильного сооружения, который встретился на четырех кладбищах: в ст. Ессентукской, в с. Дубовая Балка, в с. Греческое и в ст. Суворовской³³. Года

²⁶ Мохов С. В. Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет... С. 50.

²⁷ *Malysheva S. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity...* P. 382.

²⁸ *Малышева С. Ю. Врезано в камень, врезано в память...* С. 181, 200.

²⁹ Мохов С. Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. С. 109.

³⁰ Там же. С. 127.

³¹ Там же. С. 114–115; *Malysheva S. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity...* P. 355.

³² Мохов С. Археология русской смерти... С. 115.

³³ Вполне вероятно, что такие памятники есть и в других местах, но они ускользнули от моего внимания.

смерти, указанные на этих памятниках, находятся во временном промежутке от 1977 по 1987 г. — можно допустить, что изготовлены они примерно в этот же десятилетний период. Описать этот тип можно как трехуровневую тумбу на постаменте, увенчанную куполом и/или крестом. Снизу вверх объем «уровней» уменьшается, а второй уровень обыкновенно выполнен по подобию обелиска, т. е. он сужается кверху. Памятник сложен так: постамент без надписи, первый уровень с именем умершего и годами жизни, второй уровень с фотографией умершего и завершающий третий уровень с куполом. Здесь также важно отметить, что эти надгробия объемные, в декоре их задействованы все четыре стороны. Как мне кажется, эти памятники призваны визуально отсылать к тем самым малоазийским надгробиям, описанным в предыдущем параграфе. Они достаточно высокие и напоминают церковь, но по сравнению с традиционными надгробиями их форма значительно вытянулась вверх. На памятниках можно заметить углубления, напоминающие окна в световом барабане храма. Важным отличием от традиционных надгробий является отсутствие в памятниках этого типа ниш для свечей. Надгробий описанного типа немного — всего несколько десятков, но их появление на советских кладбищах примечательно. Помимо легко считываемой христианской символики, они содержат в себе отсылку к этнической традиции, что в условиях советской «унификации» является крайне ценным.

Однако помимо этих поистине выдающихся надгробий мы можем заметить и другие этнические маркеры на греческих памятниках советского периода. Так, на захоронении 1979 г. в Красной Поляне на бетонной плите имя умершей и годы ее жизни выполнены в кириллическом шрифте «под греческий» (с угловатыми буквами). На том же кладбище Красной Поляны, одна из стихотворных эпитафий (на русском языке) начинается так: «О мать моя, яяка наша!». *Яяка* с понтийского переводится как ‘бабуля’, это слово часто употребляется греками России. Также можно обратить внимание на то, что некоторые пожилые женщины на надгробных фотографиях изображены в традиционном головном уборе греков Понта, плоской шапочке с монетами (на понтийском она называется *τάπλα*, на тюркском *godik*), поверх которой может быть надет либо обычный платок, либо черный (знак траура). Изображение пожилых женщин на надгробном фото просто в черном платке характерно как для греков, так и для русских, и встречается на кладбищах повсеместно.

Также советские надгробия представляют неисчерпаемый материал для исследований по греческой ономастике. Так, для греков в исследованных регионах было характерно русифицировать фамилию, чтобы избежать лишнего внимания государства в период репрессий. Чаше всего греческие фамилии с окончанием *-иди*, *-ади*, *-яди*, *-пуло* менялись на «русское» окончание *-ов(а)* (ср. Анастасиади — Анастасова, Димитропуло — Дмитров, Ке-

Рис. 6. Надгробие в форме церкви, ст. Суворовская. Покойная на фото изображена в национальном головном уборе. Фото Демиса Васильева
Tombstone in the shape of a church, Suvorovskaya. The deceased is depicted in a national headdress. Photo by Demis Vasiliev

сиди — Кесов и т. п.)³⁴. По надгробиям можно четко увидеть, как греческая фамилия старшего поколения превращалась в «русскую» у потомков.

Как уже упоминалось, надписи на надгробиях после 1930-х гг. стали выполняться исключительно на русском языке. На всех обследованных кладбищах удалось обнаружить лишь одно исключение, когда советская эпитафия была написана на понтийском диалекте греческого языка. Это надгробие на могиле женщины, умершей в 1975 г., из с. Мерчанское. Я склонна предполагать, что памятник установлен вскоре после смерти, так как для XXI в. он довольно старомоден по форме и материалу, фото на нем — овальное, черно-белое, керамическое. По форме и материалу он также схож с другими памятниками этого временного периода на кладбище. Эпитафия гласит: «ΓΙΑ ΤΙΝ ΑΡΘΘΙΜΙΝ / ΤΙΝ ΑΓΑΠΙΜΕΝΙΝ / ΚΑΛΟΜΑΝΑΝ, ΑΠΟ / ΤΙΝ³⁵ ΕΓΓΟΝΙΑ ΣΟΥ / ДОРОГОЙ БАБУШКЕ / ОТ ВНУКОВ³⁶». Собственно, перевод уже выполнен самими авторами эпитафии, за исключением начала: *για την αρθθιμιν* — прилагательное, вероятно, образовано от глагола *αρθθιμιώ* ‘скучать’, и означает ‘тот, по которому скучают’. Надпись выполнена на понтийском диалекте в упрощенной орфографии — именно такой тип греческого алфавита изучался в греческих школах СССР до 1937 г.

Также я хочу описать две эпитафии, которые не могу точно датировать, и, соответственно, не могу утверждать, к советскому или постсоветскому периоду они относятся. Памятники могут быть крайне обманчивы, и, к сожалению, узнать, когда они были сделаны, сейчас невозможно. В первом случае это также осложняется тем, что бетонный памятник визуально выглядит советским, но табличка, на которой выполнена эпитафия, сделана из другого материала — мрамора, она могла быть прикреплена к надгробной стеле в более позднее время. Памятник установлен на могиле молодого человека, погибшего в 20-летнем возрасте, надпись на понтийском выглядит так: «ΘΛΙΒΕΡΑ ΗΜΕΡΑ 19 του ΑΠΡΙΛΙΟΥ 1966 / ΓΛΗΚΗΤΑΤΟ-ΜΟΥ ΤΕΚΝΟ / ΣΕΠΗΡΕ Ο ΧΑΡΟΣ Ο ΚΑΚΟΣ / Ο ΠΣΗΧΟΚΗΝΗΓΑΡΗΣ ΤΟ ΝΗΚΟΜΟΥ / ΤΟ ΜΟΝΑΚΡΗΒΟ ΤΟΝ ΠΟΛΗ / ΑΓΑΠΗΜΕΝΟ ΑΔΗΚΟΦΟΝΗΜΕΝΟ / ΜΕ ΑΦΗΣΕΣ / ΠΑΝΤΕΡΗΜΗ ΑΛΟ ΔΕΝ ΕΧΟ / ΤΕΚΝΟ ΘΑ ΕΡΧΟΜΕ ΣΟΝ / ΤΑΦΟΣΟΥ / ΘΑ ΧΗΝΟ ΠΗΚΡΑ / ΔΑΚΡΗΝΑ ΘΑ ΜΑΡΕΘΟΥΝ / ΤΑ ΧΟΡΤΑ ΘΑ ΒΓΕΝΟΥΝ / ΝΕΚΡΟΛΟΥΛΟΥΔΑ ΘΑ / ΒΓΕΝΟΥΝ ΝΕΚΡΟ ΧΟΡΤΑ / ΔΥΣΤΥΧΗΣΜΕΝΗ³⁷ ΜΑΝΑ. / Я. М.» [В скорбный день 19 апреля

³⁴ Подробнее про трансформации греческих фамилий см. *Климова К. А., Никитина И. О.* Традиции и трансформации в греческой антропонимии (по данным полевых исследований греков России 2022-2023 гг.) // *Вопросы ономастики.* 2024. Т. 21. № 2. С. 90-109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.018

³⁵ Сохранена орфография источника. В оригинале употреблен неправильный артикль: должно быть *από τα εγγόνια*.

³⁶ Я использую исключительно заглавные буквы в переводе чтобы сохранить параллелизм с текстом на памятнике.

³⁷ В этом тексте используется вольная орфография: фонема [i] обозначается буквой «ита» (η), за исключением слова *δυστυχημένη* (орфография оригинала), где в нужных

1966 г., сладкий мой ребенок, тебя забрал злой Харос³⁸, охотник за душами, моего Никоса, драгоценного, самого любимого, несправедливо убитого. Ты оставил меня одну, другого ребенка у меня нет, я буду приходить на твою могилу, лить горькие слезы, и увянут травы, и вырастут мертвые цветы, вырастут мертвые травы. Несчастливая мать. Я. М.]. Если прочитать этот текст вслух, можно понять, что он похож на похоронный плач-причитание понт. *τα μοιρολόγια*). Такие плачи до недавнего времени гречанки могли исполнять на похоронах.

На другом надгробии надпись уже выполнена русскими буквами, что более характерно для носителей понтийского диалекта в России. Памятник установлен в с. Греческое, год смерти покойного — 1970. Надпись гласит: «Пола хроня / эперасан эсас / кянаспалуме и / синкени апо макра / гиа тесас ротуне»³⁹ [Много лет прошло, но мы вас не забываем, родственники издалека расспрашивают о вас]. Надпись на этом памятнике выполнена на мраморной табличке, которая прикреплена к основанию памятника. Я склоняюсь к тому, что он установлен в постсоветское время, так как рядом расположен памятник из идентичного материала, в похожем стиле, с годом смерти 1996.

Конечно, многие советские памятники были заменены в последние десятилетия, что должно некоторым образом исказить наблюдаемую картину. Однако часто рядом с новыми памятниками оставляют старые или их части: железные и деревянные кресты, старые каменные плиты, старые фотографии с надгробий, таблички с именами умерших и их годами жизни.

ПОСТСОВЕТСКИЙ КЛАДБИЩЕНСКИЙ РЕНЕССАНС

Современное российское кладбище — царство черного гранита, пространство разноформенных плит, на которых выгравированы портреты умерших. Об этом кажущемся единообразии нынешних могил пишет К. Шерстобитов⁴⁰. Предметом его анализа становится визуальный текст надгробий (в г. Кимры и Дубна) XXI в., который призван «продемонстрировать социальный статус, профессиональную принадлежность и увлече-

местах появляются два ипсилона (υ), но йоты так и не появляются. Это интересный случай, так как упрощенная орфография, которую преподавали в греческих школах в СССР, предполагала использование исключительно йоты для обозначения звука [i].

³⁸ Харос — персонаж новогреческого фольклора, персонификация смерти. Однако в понтийском диалекте, среди моих информантов, лексема *ο χάρος* употребляется практически исключительно в значении 'смерть'. При этом рудиментарные воспоминания о Харосе как о «том, кто забирает души» у некоторых информантов сохранились. В этой эпитафии я перевожу лексему *ο Χάρος* именно как Харос, учитывая специфику текста (схожего с причитанием) и наличие эпитета *ψυχοκυντήρης* 'собиратель душ'.

³⁹ Сохранена авторская разбивка по строчкам, синтаксически довольно хаотичная.

⁴⁰ Шерстобитов К. «Дополнительная информация» на памятниках... С. 173.

ния умершего»⁴¹. Исследователь отмечает, что в советское время «дополнительная информация» о покойном выражалась скорее через текст, чем через изображение. С. Малышева также пишет о том, что на советских памятниках профессиональная и социальная идентичность умершего чаще обозначалась вербально (она приводит примеры таких надписей: «орденоносец», «кандидат наук», «ветеран труда») ⁴². Сейчас же поистине капиталистический рынок надгробных памятников предлагает клиентам сделать все, на что у них хватит средств и воображения. В свете этого на кладбищах начинает активнее подсвечиваться неравенство, когда рядом со скромным надгробием-плитой может стоять античный храм из мрамора. Греческие захоронения не миновали современных кладбищенских трендов. Фото на памятнике в полный рост, изображения машин и мотоциклов, скульптуры, изображающие погибших, античные колонны, роскошные распятия и плачущие ангелы, голубки и Девы Марии (вдохновленные, видимо, католической традицией) — все это встречалось мне в пределах захоронений греков в России. Профессиональная идентичность покойного отражается и на греческих памятниках. Так, мне встречались надгробия швеи (со швейной машинкой), сапожника (на рабочем месте), бухгалтера (со счётами), врачей (изображения посоха Асклепия, чаши со змеей). В случае с греческими захоронениями интересно, что на надгробиях музыкантов-лирицистов (понтийская лира — национальный музыкальный инструмент) умершие всегда изображаются с инструментом. На надгробном памятнике знаменитого лирициста Е. Л. Попандопуло в Витязево музыкант изображен с двумя лирами, а рядом с самой плитой расположено небольшое скульптурное изображение понтийской лиры из гранита. Также интересно отметить, что сзади надгробной плиты выгравировано изображение монастыря Панагия Сумела в Трапезунде — знакового места для греков Понта. На современных надгробиях греков также встречаются и изображения других церквей или религиозных сюжетов, например, распятия Христа.

Начиная с 1990-х гг. в оформлении надгробий и мест захоронения проникают «импортные» греческие элементы: надписи на новогреческом языке и специальные гипсовые «домики» для свечей в форме церквей на постаментах, повсеместно встречающиеся в современной Греции. Впервые я обратила внимание на эти домики на Кавказских Минеральных Водах. Они сразу напомнили мне гипсовые церквушки (*προσκυνητάρια, εκκλησάκια*), которые встречаются по всей Греции — там они часто устанавливаются на обочинах, как способ мемориализации жертв автокатастроф или как благодарность Богу за спасение в аварии⁴³. Потом я начала расспрашивать информантов об этих «домиках», и мне рассказали, что, вероятно,

⁴¹ Шерстобитов К. «Дополнительная информация» на памятниках... С. 173.

⁴² Малышева С. Ю. Врезано в камень, врезано в память... С. 198-199.

⁴³ Panourgíá N. *Fragments of Death, Fables of Identity. An Athenian Anthropography*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995. P. 171-173.

изначально, в 1990-е гг., их привозили из Греции, а теперь производят и здесь, на Кавказе: такой «домик» можно купить в строительном магазине. Сейчас эти объекты можно обнаружить не только на греческих захоронениях, но также и на армянских, и на русских — примечательно, что, не зная контекста, сложно маркировать «домики» как греческие. Все эти объекты, с одной стороны, служат практической цели — в них зажигают свечи, чтобы те не потухли от ветра. Они продолжают греческую традицию зажигания свечей на могилах — вспомним, что в традиционных памятниках всегда присутствовала ниша именно для этой цели. С другой стороны, «домики» становятся еще одним кладбищенским объектом с ярко выраженной визуальной референцией к православию.

*Рис. 7. Домик для свечей в форме церкви. Пос. Витязево
Repository for candles in the shape of a church, Vityazevo*

В 1990-е гг. на надгробия возвращаются греческие надписи. Правда, теперь это преимущественно стандартный новогреческий — многие из греков бывшего СССР успели уехать в Грецию или выучить новогреческий язык на курсах. Появляются краткие эпитафии на новогреческом языке: мне встречались, например, формульная *ΑΙΩΝΙΑ ΜΝΗΜΗ* «вечная память» и интересная калька с русского *Θυμόμαστε, αγαπάμε, θρηνούμε* «помним, любим, скорбим». Периодически можно встретить и эпитафии на понтийском, как, например, в случае с уже упомянутым надгробием лиричиста в Витязево. Интересны случаи, когда старое советское надгробие заменяют на новое и выполняют надпись уже на греческом вместо русского. Так, например, на таких новых надгробиях умершим может «возвращаться» их эллинизированная версия фамилии, утерянная в советский период. Это может происходить по инициативе родственников, которые сами при получении греческого гражданства (или при иных обстоятельствах) поменяли фамилию: таким образом, подчеркивается не только этничность умершего, но и связь с потомками (которые носят именно «исконную», эллинизированную версию фамилии)⁴⁴. На некоторых памятниках можно заметить «дублиеты», когда имя умершего указано одновременно в русской и греческой версии: например, «ЕНГЕНОВ ГЕОРГИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ — ΕΓΓΟΝΙΔΗΣ ΓΕΩΡΓΙΟΣ ΤΟΥ ΓΡΗΓΟΡΙΟΥ». Таким образом, современные греческие захоронения на Северном Кавказе вписываются в общие тенденции оформления надгробий в России, но обладают своей этнической спецификой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях «идеологической свободы» постсоветского времени греки стали чаще оформлять свои надгробия с однозначной референцией к этническому происхождению умершего с помощью надписей на греческом, эллинизации фамилий, инкорпорации в декор элементов античной скульптуры и даже изображений флага Греции. При этом в советское время от «этнического» сохранялся преимущественно религиозный компонент, как было описано в соответствующем параграфе. Помимо железных и деревянных крестов и изображений креста на памятниках, существуют уникальные памятники с отсылкой к традиционным малоазийским надгробиям, сделанные на Кавказских Минеральных Водах в 1970-80-е гг. Сами же традиционные намогильные камни конца XIX — начала XX в., сохранившиеся в разных местах проживания греков на территории России (лучше всего — в х. Новокрымский), представляют собой интересный материал для изучения. Форма и оформление этих камней, очевидно, копировали те надгробия, которые бытовали среди греков в Малой Азии, в регионе Понта. Сейчас информанты стремятся сохранить старые памятники и оставляют их рядом с новыми.

⁴⁴ Об одном таком случае см.: *Климова К. А., Никитина И. О.* Традиции и трансформации в греческой антропонимии... С. 104-105.

Кладбище, в случае греческих захоронений, может дать ответы на ряд важных вопросов о сохранении религиозной и этнической идентичности, подсветить характерные исторические процессы и даже стать источником фольклорных текстов (эпитафии-причитания). Важным оказывается не только то, что на кладбище удалось обнаружить, но и то, чего на нем обнаружить не удалось — на надгробных надписях совсем отсутствует исторический диалект турецкого, на котором говорит значительная часть греков на Кавказе. При этом, как было показано, понтийский диалект присутствовал на памятниках во все исторические периоды, в греческой или кириллической графике. Я не буду спешить с выводами о вытеснении исторического северо-восточного диалекта турецкого из публичной сферы (коей и является кладбище), так как не посетила все греческие захоронения на территории России и еще могу обнаружить надписи на нем в других местах. Другой вид информации, предоставляемой нам кладбищем, — о постановке надгробных памятников в голову или в ноги — не дает нам абсолютно никакой четкой картины и лишь вторит спорам информантов о том, «как правильно»: на поверку оказывается, что даже в пределах семейного захоронения кресты могут смотреть в разные стороны. Конечно, в статье не удалось охватить все детали, связанные с греческими захоронениями в России, однако я постаралась представить сюжеты, отражающие основные тенденции.

Источники

Καρυπίδου Α. Τα ελληνικά χωριά της Γεωργίας. Ιστορικό λεύκωμα = Греческие села Грузии. Исторический фотоальбом. Салоники: б.и., 2021.

Pontic tombstones shaped like churches, possibly in Surmena (modern Sürmene) district // British School at Athens. Digital collections. URL: <https://digital.bsa.ac.uk/results.php?locality-irn=4806&irn=141853> (дата обращения: 17.12.2024).

Литература

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» — Прогресс-Академия, 1992.

Барabanов К. В. Греческие общины в СССР 1920–1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. С. 24–26.

Бредникова О. Социологические прогулки по кладбищу // Беспредельная социология: сборник эссе к 60-летию Виктора Воронкова / под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 115–130.

Гречко А., Рохлиц М. «Поле чудес»: бандитские могилы и борьба за капитал // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 194–208.

Джуха И. Г. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетейя, 2006.

- Климова К. А., Никитина И. О.* Традиции и трансформации в греческой антропонимии (по данным полевых исследований греков России 2022–2023 гг.) // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 2. С. 90–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.018
- Климова К. А., Никитина И. О.* Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.3-4.15>
- Кокаева А. В.* Появление греков на территории Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 46–64.
- Конкка А.* Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 67–79.
- Мальшева С. Ю.* Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 181–206.
- Мохов С.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021.
- Мохов С. В.* Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет // Живая старина. 2014. № 2. С. 50–52.
- Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. 4-е изд., испр. и доп. М.: Common place, 2020.
- Соколова А. Д.* Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Филиппова С. В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 12. № 4. С. 80–96.
- Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
- Чеснокова Е. Г.* «Частная территория»: место захоронения в поле социальных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8>
- Шерстобитов К.* «Дополнительная информация» на памятниках: анализ оформления материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 168–193.
- Ballance S., Bryer A., Winfield D.* Nineteenth-century monuments in the city and vilayet of Trebizond: architectural and historical notes — Part 1 // Archeion Pontou, [Archives of Pontos]. 1966. Vol. 28. P. 234–305.
- Malysheva S.* Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity: Urban Cemetery as a Metatext // Ab Imperio. 2018. № 3. P. 351–383.
- Panourgiá N.* Fragments of Death, Fables of Identity. An Athenian Anthropography. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995.

References

- Aries, P., 1992. *Man Before the Face of Death*. Moscow: “Progress” Publishing Group — Progress-Academy. (In Russian)
- Ballance, S., Bryer, A., Winfield, D., 1966. Nineteenth-century monuments in the city and vilayet of Trebizond: architectural and historical notes — Part 1. *Archeion Pontou, [Archives of Pontos]*, 28, pp. 234–305.
- Barabanov, K. V., 2006. Greek communities in the USSR in the 1920s–1940s. *RUDN journal of Russian History*, 3, pp. 24–26. (In Russian)
- Brednikova, O., 2005. Sociological Walks through the Cemetery. In: O. Pachenkov, M. Sokolov, E. Chikadze, eds., 2005. *Unlimited Sociology: A Collection of Essays for the 60th Anniversary of Viktor Voronkov*. Saint Petersburg: TsSNI, pp. 115–130. (In Russian)
- Chesnokova, E. G., 2019. “Private Territory”: Burial Ground in the Field of Social Interaction. *Ethnographic Review*, 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8> (In Russian)
- Dzhukha, I. G., 2006. *Greek operation: The History of Repressions against Greeks in the USSR*. Moscow: Aletheia. (In Russian)
- Filippova, S. V., 2012. Cemetery as a Symbolic Space of Social Stratification. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 12 (4), pp. 80–96. (In Russian)
- Foucault, M., 2006. Other Spaces. In: M. Foucault, 2006. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews*. Moscow: Praxis. Part 3, pp. 191–204. (In Russian)
- Grechko, A., Rokhlits, M., 2015. Field of Miracles: Bandit Graves and the Struggle for Capital. *Archaeology of Russian Death*, 1, pp. 194–208. (In Russian)
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2023. Traditional culture of the Romaioi Greeks and Urumlar Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region). *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 302–319. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2023.3-4.15> (In Russian)
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2024. Traditions and Transformations in Greek Anthonymy (Based on the Field Studies of Greeks of Russia in 2022–2023). *Problems of Onomastics*, 21 (2), pp. 90–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.018 (In Russian)
- Kokaeva, A. V., 2010. The emergence of Greeks in the North Caucasus. *RUDN Journal of World History*, 1, pp. 46–64. (In Russian)
- Konkka, A., 2016. The Cemetery in Gridino as an Outstanding Object of Sacred Geography of the Karelian Pomor’ye. *Archaeology of Russian Death*, 3, pp. 67–79. (In Russian)
- Malysheva, S. Yu., 2016. Set in stone, set in memory: (Re)production of the Soviet identity in the spaces of death. *Dialogue with Time*, 54, pp. 181–206. (In Russian)
- Malysheva, S., 2018. Soviet Death and Hybrid Soviet Subjectivity: Urban Cemetery as a Metatext. *Ab Imperio*, 3, pp. 351–383.
- Mokhov, S. V., 2014. Why are cemetery fences painted blue. *Zhivaia starina*, 2, pp. 50–52. (In Russian)

-
- Mokhov, S., 2020. *Birth and Death of the Funeral Industry. From Medieval Cemeteries to Digital Immortality*. Moscow: Common Place. (In Russian)
- Mokhov, S., 2021. *Archaeology of Russian Death. Ethnography of the Funeral Industry in Modern Russia*. Moscow: Fond podderzhki sotsial'nykh issledovaniï "Khamovniki"; Common Place. (In Russian)
- Panourgiá, N., 1995. *Fragments of Death, Fables of Identity. An Athenian Anthropography*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Sherstobitov, K., 2015. "Additional Information" on Monuments: Analysis of the Design of Material-Architectural Sign Space on the Example of Urban Cemeteries of Kimry and Dubna. *Archaeology of Russian Death*, 1, pp. 168–193. (In Russian)
- Sokolova, A. D., 2022. *To the New Man — a New Death? Funeral Culture of Early USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)